

МОРГАН РАЙС

МЕЧТА СМЕРТНЫХ

КНИГА № 15 В СЕРИИ КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ

Кольцо чародея

Морган Райс

Мечта смертных

«Lukeman Literary Management Ltd»

Райс М.

Мечта смертных / М. Райс — «Lukeman Literary Management Ltd», — (Кольцо чародея)

ISBN 978-1-63-291604-4

В книге «МЕЧТА СМЕРТНЫХ» Торгрин и его братья пытаются вырваться из лап пиратов и продолжить поимки Гувейна в море. Им встретятся неожиданные друзья и враги, магическое оружие, драконы и люди, которые изменят их судьбу. Найдут ли они наконец Гувейна? Дариус и его друзья выживут в резне, но только для того, чтобы оказаться брошенными на гладиаторскую арену Империи. Скованные одной цепью, они столкнутся с невероятными противниками, и их единственной надеждой на выживание будет драться сообща, как братья. Гвендолин очнётся от обморока и обнаружит, что и она, и её спутники пережили переход через Великую Пустошь, и больше того – попали в страну, превзошедшую все их ожидания. Когда их приведут в новый королевский двор, секреты, которые Гвендолин узнает о своих предках и своём народе, навсегда изменят её судьбу. Эрек и Алистер, взятые в плен имперским флотом, совершают дерзкий ночной побег. Их шансы на успех кажутся ничтожными, но их ждёт неожиданный сюрприз, который может дать им новый шанс на победу и на то, чтобы продолжить войну в сердце Империи. Годфри и его команду сажают в темницу и приговаривают к казни. У них остаётся последний шанс, чтобы попытаться сбежать, но после того, как их предали, они хотят большего – мести. Волусия, окружённая со всех сторон, пытается захватить столицу Империи, и, если она хочет доказать всем, что является богиней и стать Верховной Правительницей Империи, ей придётся использовать более могущественную магию, чем она могла предположить. Судьба Империи снова висит на волоске. Благодаря усовершенствованному построению мира и характерам, «МЕЧТА СМЕРТНЫХ» представляет собой эпическую историю о друзьях и возлюбленных, о соперниках и поклонниках, о рыцарях и драконах, об интригах и политических махинациях, о взрослении, о разбитых сердцах, об обмане, амбициях и предательстве. Это история о

чести и мужестве, судьбе и роке, о магии. Это фантазия, которая вводит нас в незабываемый мир, который понравится людям всех возрастов и полов.

ISBN 978-1-63-291604-4

© Райс М.

© Lukeman Literary Management Ltd

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	15
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	19
ГЛАВА ПЯТАЯ	22
ГЛАВА ШЕСТАЯ	25
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	29
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	33
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Морган Райс

Мечта Смертных (Книга № 15 В Серии Кольцо Чародея)

О Морган Райс

Морган Райс – автор бестселлеров № 1, перу которого принадлежит серия эпического фэнтези «КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» (состоящая из 17 книг); серия бестселлеров № 1 «ЖУРНАЛ ВАМПИРА» (состоящая из 11 книг и их число растет); серия бестселлеров № 1 «ТРИЛОГИЯ ВЫЖИВАНИЯ» – постапокалиптический триллер, включающий в себя две книги (и их число постоянно растет); и новая серия эпического фэнтези «КОРОЛИ И ЧАРОДЕИ» (состоящая из 2 книг и их число растет). Книги Морган доступны в аудио форматах и печатных изданиях, ее книги переведены на более чем 25 языков.

Морган нравится получать от вас письма, поэтому, пожалуйста, не стесняйтесь посетить www.morganricebooks.com, чтобы присоединиться к списку рассылки, получить бесплатную книгу, бесплатные призы, скачать бесплатное приложение, получить самые последние эксклюзивные новости, связаться по Facebook и Twitter и оставаться на связи.

Избранные отзывы о Морган Райс

«КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» содержит все ингредиенты для мгновенного успеха: заговоры, дворцовые интриги, тайны, доблестные рыцари, зарождающиеся отношения, которые сопровождаются разбитыми сердцами, обманом и предательством. Книга продержит вас в напряжении не один час и подойдет для любого возраста. Рекомендовано для постоянной библиотеки всех любителей фэнтези»

– *Books and Movie Reviews, Роберто Маммос*

«Увлекательное эпическое фэнтези».

– *Kirkus Reviews*

“Тут намечается что-то необыкновенное.”

– *San Francisco Book Review*

“Много действия ... Райс качественно пишет, и её истории интригуют.”

– *Publishers Weekly*

“Вдохновенная фэнтези ... Заявка на эпическую серию для юношества.”

– *Midwest Book Review*

Книги Морган Райс

КОРОЛИ И ЧАРОДЕИ

ВОСХОД ДРАКОНОВ (Книга № 1)

ВОСХОД ДОБЛЕСТИ (Книга № 2)

БРЕМЯ ЧЕСТИ (Книга № 3)

КУЗНИЦА ДОБЛЕСТИ (Книга № 4)

ЦАРСТВО ТЕНЕЙ (Книга № 5)

НОЧЬ ХРАБРЫХ (Книга № 6)

КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ

ГЕРОИ В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ (Книга № 1)

МАРШ КОРОЛЕЙ (Книга № 2)

СУДЬБА ДРАКОНОВ (Книга № 3)

КЛИЧ ЧЕСТИ (Книга № 4)

ОБЕТ СЛАВЫ (Книга № 5)

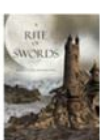
ЗАРЯД ДОБЛЕСТИ (Книга № 6)

РИТУАЛ МЕЧЕЙ (Книга № 7)

KINGS AND SORCERERS

THE SORCERER'S RING

THE SURVIVAL TRILOGY

the vampire journals

Слушайте серию «КОЛЬЦО ЧАРОДЕЯ» в аудиоформате!

Авторское право © 2014 Морган Райс

Все права защищены. Кроме случаев, разрешенных в соответствии с Законом США об авторском праве от 1976 года. Никакая часть данного издания не может быть скопирована, воспроизведена или передана в любой форме и любыми средствами, или сохранена в системе базы данных или поиска информации без предварительного разрешения автора.

Эта электронная книга лицензирована только для вашего личного пользования. Эта книга не может быть повторно продана или отдана другим лицам. Если вы хотите поделиться этой книгой с другим лицом, вам необходимо приобрести дополнительную копию для каждого получателя. Если вы читаете эту книгу, не купив ее, или она не была куплена только для вашего личного пользования, вы должны вернуть ее или приобрести свой собственный экземпляр. Спасибо за уважение к тяжелой работы этого автора.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия, организации, места, события и происшествя являются плодом воображения автора. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или мертвыми, является абсолютно случайным.

Права на изображение на обложке принадлежат Isoga, лицензия Shutterstock.com.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гвендолин медленно открыла залепленные песком глаза, и это простое действие отняло у неё все силы. Сквозь узкие щёлки между веками ей удалось увидеть только расплывчатые очертания залитой солнцем пустыни. Белое сияние небесного светила совсем ослепило её. Гвен не могла понять, жива она или мертва, но больше склонялась к первому варианту.

Она была слишком слаба, чтобы повернуть голову и осмотреться по сторонам. *Неужели так себя чувствуют все покойники?* – спрашивала она себя.

Внезапно на её лицо упала тень, и, моргнув, она разглядела склонившийся над ней чёрный капюшон, в глубине которого скрывалось лицо маленького существа. Из темноты под капюшоном на Гвен пристально глядели желтые глаза-бусины, обладатель которых изучал её так, будто она была какой-нибудь вещью, потерянной случайным путником в пустыне. При этом незнакомец издавал странное попискивание, и Гвен поняла, что он говорил на языке, которого она никогда раньше не слышала.

Затем раздался шелест шагов, и из небольшого облака пыли рядом с ней возникли ещё два таких же существа в чёрных капюшонах, с глазами, сверкавшими ярче солнца. Казалось, что при помощи писка они совещались друг с другом. Гвен не могла распознать, что это были за существа, и она не была уверена, что они реальны, а не просто ей чудятся. Возможно, это была очередная галлюцинация, вызванная нестерпимой жарой.

Гвен ощутила толчок в плечо и, снова открыв глаза, увидела, что одно из существ тыкает в неё посохом, судя по всему, проверяя, жива ли она. Гвен хотела было протянуть руку и оттолкнуть его, раздражённая таким обращением, но у неё не хватило на это сил. Всё же, она с благодарностью отметила, что ещё не совсем лишилась чувств. Это подкрепило её слабую надежду на то, что она и правда не умерла.

Вдруг Гвен почувствовала, как тонкие когтистые пальцы обвились вокруг её запястий, чьи-то руки приподняли её и водрузили на лоскут какого-то полотна. В таком виде, головой вперёд, её поволокли по пустынной пыли. Она не знала намерений подобранных её существ, но была слишком слаба, чтобы о чём-то думать. Она лежала и смотрела на проплывающий мимо мир, освещённый как никогда раскалившимся солнцем. Она была полностью обессилена и иссушена, и при каждом вдохе ей казалось, будто её лёгкие пылают.

Неожиданно Гвен ощутила, как по её губам потекла прохладная жидкость, и увидела, что одно из существ наклонилось к ней и льёт на неё воду из бурдюка. Ей пришлось напрячься всем телом, чтобы просто подставить влаге язык. Холодная вода защекотала её горло, но первый глоток будто обжёг его ещё больше – настолько оно пересохло.

Гвендолин стала жадно пить, с облегчением понимая, что хоть эти существа оказались дружелюбными. Однако, несколько секунд спустя существо перестало лить воду и убрало бурдюк.

"Ещё", – прошептала Гвен, но голос её был совсем неслышным.

Её поволокли дальше, и Гвен попыталась собрать все свои силы и освободиться, чтобы дотянуться до бурдюка и выпить всю воду, оставшуюся в нём. Но даже рука её не послушалась.

Гвен тащили и тащили, она билась ногами о мелкие камни и кочки, и казалось, что это длилось вечно. Вскоре она уже не могла сказать, сколько времени прошло. По её ощущению – несколько дней. Единственным звуком, сопровождавшим её, был свист пустынного ветра, приносившего с собой больше пыли и жара.

Прохладная вода снова коснулась губ Гвен, и в этот раз она успела выпить больше, прежде чем бурдюк забрали снова. Она открыла глаза шире и увидела над собой существо с бурдюком в руках. Ей стало ясно, что оно, заботясь о ней, отпаивает её постепенно, по чуть-чуть за раз.

Вода уже легче прошла по её горлу и она почувствовала, как вены в теле начали наполняться кровью. Она отчаянно нуждалась в ещё одном глотке.

"Пожалуйста, – попросила Гвен, – ещё".

Но вместо этого существо плеснуло ей немного воды на лицо и на глаза, и освежающая влага остудила её обожжённую кожу. Ручейки воды смыли часть пыли с её век, позволяя открыть глаза достаточно широко, чтобы увидеть, что происходит вокруг.

Взгляду Гвен предстали дюжины существ в одинаковых чёрных мантиях с капюшонами, семенящих по пустынной земле и переговаривавшихся на своём писклявом языке. Гвен увидела, что они тащат за собой и другие тела, в которых она с огромным облегчением узнала Кендрика, Сандару, Абертола, Брандта, Атме, Иллепру, малышку, Стеффена, Арлисс, несколько человек из Серебра и Крона – всего около дюжины её спутников. Их волокли рядом с Гвен, но она не могла понять, живы они или мертвы. По тому, как безвольно лежали их тела на подстилках, она заключила, что они были мёртвыми.

Сердце её упало от этой мысли, и она стала молиться, чтобы это было не так. И всё же, она мысленно готовилась к худшему. Разве мог кто-то выжить в пустыне? Она и на свой счёт не была до конца уверена.

Гвен закрыла глаза, а когда открыла их, поняла, что уснула. Она не знала точно, сколько времени проспала, но день над пустыней клонился к закату. Её по-прежнему тащили. Ей хотелось узнать, кем были эти существа – по её предположениям, это было какое-то кочевое племя, сумевшее приспособиться к выживанию в Великой Пустоши. Она гадала, как они её нашли и куда тащили. С одной стороны, она была благодарна им за спасение своей жизни, но, с другой стороны, они могли захотеть убить её позже. Например, принести её вместо дичи к столу.

В любом случае, она была слишком обессилена, чтобы как-то им помешать.

Гвен снова провалилась в сон. Проснуться её заставило странное шуршание. Сперва ей показалось, что это просто ветер гонит по песку куст перекаати-поля. Но звук нарастал. Теперь это стало похоже на песчаную бурю. Яростную и непрерывную.

Когда они приблизились к источнику звука, и существа, тащившие Гвен, повернули, перед ней открылось невиданное зрелище. Они приближались к стене бешено вихрящегося песка, уходящей так высоко в небо, что конца её не было видно. Кто-то будто приручил и удерживал на одном месте ураган, внутри которого отчаянно завывал ветер и метался песок, закрывая собой всё, что было за стеной.

Они двигались прямо к урагану, и оглушённая шумом Гвен не понимала, зачем они это делают. Казалось, их ждёт верная смерть.

"Поворачивайте назад!" – попыталась сказать Гвен.

Но её хриплый тихий голос утонул в вое ветра. Но вряд ли бы незнакомцы её послушались, даже если бы услышали.

Чем ближе они подходили к песчаному вихрю, тем сильнее разлетающиеся песчинки царапали кожу Гвен. Рядом с ней появились двое существ и накрыли её с головой большой плотной простынёй. Она поняла, что так они защищали её.

Секундой позже Гвен очутилась в самом сердце вихря.

Внутри ураганной стены шум был таким громким, что Гвен не сомневалась, что оглохнет, и не знала, как ей вообще удастся выжить. Полотно спасало её, не позволяло песку впитаться в кожу и разорвать её на части. Кочевники вошли в вихрь, низко опустив головы, – было ясно, что они делают это не в первый раз. Они волокли Гвен сквозь бушующий песок, которому не было конца.

Затем вдруг резко наступила тишина. Гвен и не думала, что тишина может быть такой долгожданной и сладкой. Двое кочевников сняли с неё простыню, и Гвен увидела, что они пересекли песчаную преграду и вышли с другой стороны. Но с другой стороны чего?

Наконец, тащившие Гвен остановились и бережно опустили её на землю. Она лежала бездвижно и смотрела в верх, находя ответы на все свои вопросы. Ей пришлось несколько раз моргнуть, чтобы понять, что было перед ней.

Постепенно её взгляд сфокусировался, и она увидела необыкновенно высокую стену, высеченную из скалы, уходившую на сотни футов в небо, к самым облакам. Стена тянулась во всех направлениях и исчезала на горизонте. На вершине скалы Гвен увидела крепостные валы и укрепления, а на них – тысячи рыцарей в сверкающих на солнце доспехах.

Она не могла взять в толк, как такое было возможно. Как они могли тут оказаться? Рыцари посреди пустыни? Куда её принесли?

И вдруг её озарило. Сердце её забило быстрее, когда она внезапно поняла, что они нашли его, добрались до него, пройдя Великую Пустошь насквозь.

Оно существовало.

Второе Кольцо.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эйнджел летела головой вперёд прямо в бушующие волны вниз. Она ещё видела тело Торгрина, безвольно болтавшееся в толще воды и с каждой секундой опускавшееся всё глубже. Она понимала, что он вот-вот захлебнётся, и только её прыжок с корабля давал ему слабый шанс выжить.

Она была твёрдо намерена его спасти, даже если бы это стоило ей жизни, даже если бы ей пришлось погибнуть в пучине вместе с ним. С первого момента их встречи с Тором на острове она почувствовала, что между ними возникла прочная связь, которую она не могла пока объяснить. Он был первым в её жизни человеком, который не боялся заразиться от неё проказой, который обнял её, который видел в ней нормального человека и не собирался её бросать. Она была у него в большом долгу, испытывала к нему преданность и готова была умереть за него не раздумывая.

Эйнджел врезалась в ледяную воду, и холод мгновенно пробрал её до костей. Тысячи иголок будто впились ей в кожу, но она, задержав дыхание и открыв глаза, продолжала погружаться вглубь, высматривая в мутной воде очертания Торгрина. Она едва рассмотрела его в темноте и тут же парой сильных гребков настигла его и ухватила за рукав.

Он оказался тяжелее, чем она думала. Она обхватила его обеими руками, развернулась и начала изо всех сил гребсти ногами, чтобы остановить их падение и попробовать всплыть. Эйнджел не могла похвастаться ни ростом, ни силой, но – взрослея, она это быстро усвоила – её ноги обладали гораздо большей силой, чем верхняя часть тела. Её руки ослабли из-за болезни, но ноги зато были настоящим даром, сильнее, чем у мужчины, и сейчас она отчаянно болтала ими в воде, постепенно приближаясь к поверхности. Чему она научилась за годы на острове, так это плавать.

Мрачная глубь осталась под её брыкающимися ногами а над головой уже были видны солнечные блики.

Давай же! – уговаривала она себя. Ещё пара футов!

Вымотанная, без воздуха в лёгких, она силой воли заставила себя гребсти быстрее, и одним последним толчком вырвалась из толщи воды.

Хватая воздух ртом, она вытащила вслед за собой Тора и продолжила перебирать ногами, удерживая их обоих на поверхности. Тор был по-прежнему без сознания, и она боялась, что он всё-таки захлебнулся.

"Торгрин!" – позвала она. "Очнись!"

Эйнджел обняла его сзади, сжала руки у него на животе и резко потянула на себя, а затем ещё раз, и ещё, потому что видела, как однажды её соседи по острову прокажённых спасали так своего утонувшего друга. Теперь она пыталась надавить ему на диафрагму, и её маленькие ручки тряслись от усилия.

"Пожалуйста, Торгрин," – кричала она. "Пожалуйста, живи! Живи ради меня!"

Наконец Эйнджел услышала обнадеживающий кашель, сопровождаемый фонтаном воды, и поняла, что Тор возвращается. Вся морская вода, которая была готова разорвать его лёгкие изнутри, теперь вырывалась наружу, и он кашлял ещё и ещё. Эйнджел была вне себя от радости.

К Тору начало возвращаться сознание. Новое испытание будто помогло ему сбросить с себя глубокое оцепенение, в котором он пребывал после шторма. Эйнджел даже надеялась, что у него хватит сил сразиться с разбойниками и спасти их обоих.

Не успела Эйнджел подумать об этом, как с неба ей на голову рухнул тяжёлый канат. Она и Торгрин снова оказались в ловушке.

Эйнджел подняла голову и увидела, что с борта корабля за ними наблюдают головорезы. Пара матросов держали в руках другой конец каната и тянули его на себя, поднимая Эйнджел и Тора в воздух, будто они были обычными рыбинами, попавшимися в сеть. Эйнджел дёргала верёвку, пытаясь вырваться, и надеялась, что Тор ей в этом поможет, но он по-прежнему не двигался, и ей стало ясно, что он ещё слишком слаб.

Вода ручьями стекала с барахтавшихся в сетке пленников, которых головорезы подтягивали всё ближе и ближе к палубе.

"НЕТ!" – вопила Эйнджел, отчаянно сопротивляясь.

Один из головорезов достал длинный железный крюк, подцепил им сеть и резко дёрнул её на себя. Сеть качнулась над боротом, верёвка, стягивающая её сверху, лопнула, и Эйнджел вывалилась на палубу и кубарем прокатилась по ней добрых десять футов, больно ударившись рёбрами. Она попыталась сбросить с себя остатки пут, но бесполезно.

Мгновение спустя её и Тора окружили головорезы, бросились на них сверху, прижали к грубым доскам и сдёрнули с них обрывки сети. Эйнджел почувствовала, как сильные шершавые руки схватили её запястья, опутали их новой верёвкой у неё за спиной, и дёрнули её вверх, заставляя подняться. Теперь она не могла даже шевельнуться.

Волнуясь за Тора больше, чем за себя, Эйнджел обернулась и увидела, что он тоже стоит связанный. Он выглядел вялым и сонным, и явно не осознавал, что происходит. Их обоих потащили в другой конец палубы так быстро, что Эйнджел спотыкалась и едва держалась на ногах.

"Теперь ты узнаешь, что бывает с теми, кто пытается от нас сбежать", – бросил ей какой-то матрос.

Эйнджел увидела, как перед ней открылся люк в трюм, за которым зияла непроглядная темнота. В следующую секунду она и Тор уже летели вниз.

Кубарем свалившись по лестнице, Эйнджел упала лицом вниз на жёсткий деревянный пол, а сверху на неё всем своим весом рухнул Тор, и вместе они покатались дальше в черноту. Люк над ними захлопнулся, и в крошечной тьме раздался звук массивной железной задвижки, надёжно закрывшей его сверху. Эйнджел лежала, тяжело дыша, и гадала, куда же их бросили разбойники.

Внезапно с другой стороны трюма блеснул солнечный свет, и Эйнджел увидела, что там открылось небольшое зарешёченное окошко. Оттуда сверху вниз на неё смотрели и сально ухмылялись несколько головорезов. Вскоре, плюнув напоследок сквозь прутья решётки, они ушли. Прежде чем окошко закрылось и трюм снова погрузился во тьму, Эйнджел услышала за спиной ободряющий голос.

"Не бойся. Ты не одна".

Она вздрогнула от неожиданности, обернулась, и шок её сменился облегчением – позади неё в темноте сидели связанными все её друзья: Рис и Селезия, Элден и Индра, О'Коннор и Матус. Пленённые, но живые. Эйнджел настолько убедила себя в том, что все они сгинули в буре, что теперь её захлестнула неопишуемая радость.

Однако, она сразу же помрачнела. "Если все эти великие воины не смогли избежать плена, – думала она, – то какие у них были шансы на спасение?"

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эрек сидел прислонившись к мачте на палубе собственного корабля, руки его были связаны за спиной, а взгляд – полон отчаяния. Остатки его флотилии неподвижными островками вздымались над морем, захваченные в плен, осаждённые со всех сторон тысячей имперских суден. Корабли Эрека стояли на якорях, и в мерцающем свете двух лун было видно, как на них трепещут флаги его родины в меньшинстве на фоне чёрно-золотых знамён Империи. Ему было больно на это смотреть. Эрек капитулировал, чтобы спасти своих людей от неминуемой гибели, но теперь они оказались в роли обычных пленников без шансов на побег, и их судьба полностью зависела от милости имперцев.

Эрек наблюдал за тем, как имперцы поочерёдно занимают каждый из кораблей флотилии так же, как и его собственный, оставляя караулить на борту по дюжине равнодушно пляшущих в море солдат. На каждой из палуб стояли рядами по сотне подданных Эрека, все со связанными за спиной руками. Их было больше, чем имперцев, но захватчиков это не беспокоило. Верёвки делали свою работу, и пленники ничего бы не смогли предпринять, даже если бы их *вообще никто* не стерёг, так что прочие меры предосторожности были излишними. Люди Эрека попали в ловушку, из которой не было выхода.

Эрек был раздавлен чувством вины. Никогда прежде он не сдавался, и теперь его достоинство было растоптано. Он напоминал себе о том, что в день, когда он из простого пехотинца стал главнокомандующим, на него легла ответственность за жизни других людей. Численный перевес был на стороне врага, и он не мог позволить, чтобы всех его подданных убили в бою. Кров завёл их в такую западню, где любое сопротивление было бесполезно. Отец Эрека учил его, что главным достоинством военачальника было знать, когда драться, а когда сложить оружие, чтобы сразиться в другой день и на других условиях. Он считал, что больше всего людей гибнут от безрассудства и гордыни. Безусловно, это были мудрые слова, но следовать им было непросто.

"Я бы принял бой", – раздался позади голос, будто принадлежавший подсознанию Эрека.

Эрек обернулся и увидел за собой своего брата, Строма, тоже привязанного к мачте неподалёку, но не утратившего своего обычного самообладания.

Эрек нахмурился.

"Ты бы принял бой и погубил всех наших людей", – ответил он.

Стром пожал плечами.

"Нам всем и так одна дорога, братишка, – на дно", – сказал он. "Империя беспощадна. Мы могли бы умереть с честью. А теперь, когда нас будут убивать, мы даже не сможем встать на ноги и посмотреть врагам в лицо: нам перережут глотки сзади".

"Или, что ещё хуже, – подал голос один из генералов Эрека, сидевший рядом со Стромом – нас продадут в рабство и мы больше никогда не увидим свободы. Ради этого мы пошли за тобой?"

"Вы не знаете, как всё будет", – возразил Эрек. "Имперцы непредсказуемы. По крайней мере, мы живы. У нас хотя бы есть шанс. В противном случае, наш приговор был бы уже исполнен".

Стром смотрел на Эрека с разочарованием.

"Наш отец поступил бы иначе".

Эрек вспыхнул.

"Ты не знаешь, что сделал бы отец".

"Неужели?" – возмущённо спросил Стром. "Я жил с ним, рос с ним на Островах всё время, пока тебя носило по Кольцу. Ты едва его знал. И я уверен, что наш отец предпочел бы драться".

Эрек покачал головой.

"Легко так говорить, когда ты обычный солдат", – возразил он. "Будь ты во главе войска, ты наверняка считал бы иначе. Я достаточно знаю об отце, чтобы утверждать, что он спас бы своих людей любой ценой. Он не был импульсивным. Он был гордым, но не ослеплённым гордыней. Наш отец-пехотинец, когда он был в твоём возрасте, возможно, и дрался бы, но наш отец-король проявил бы осторожность и предпочёл бы дожить до дня, когда у него появился бы шанс на победу. Есть вещи, Стром, которые ты поймёшь, когда повзрослеешь и станешь мужчиной".

Щёки Строма запылали.

"Я гораздо больше мужчина, чем ты".

Эрек вздохнул.

"Ты не вполне понимаешь, в чём суть любой битвы", – сказал он. "И не поймёшь, пока не проиграешь, пока твои люди не начнут гибнуть у тебя на глазах. Ты ни разу не терпел поражения. Остров всю жизнь служил тебе убежищем. Оттого у тебя столько спеси. Я люблю тебя, как брата, но не как военачальника".

Повисло молчание, означавшее своего рода перемирие между ними, и Эрек поднял глаза к усеянному звёздами ночному небу и попытался обуздать свои эмоции. Он искренне любил брата, но они вечно ссорились по любому поводу. У них были слишком разные взгляды на всё. Эрек дал себе время остыть, глубоко вдохнул и снова обернулся к Строму.

"Я не хочу, чтобы мы сдались окончательно", – продолжил он спокойно. "Не хочу, чтобы мы стали узниками или рабами. Попробуй посмотреть на ситуацию шире: иногда капитуляция – это первый ход в сражении. Не всегда следует сразу бросаться на врага мечом, иногда лучше встретить его с распростёртыми объятьями. Помахать мечом успеется".

Стром был озадачен.

"И как же ты намерен вытащить нас отсюда?" – спросил он. "Мы отдали своё оружие. Мы в плену, мы связаны и обездвижены. Мы в окружении и флотилии в тысячу кораблей. У нас нет вариантов".

Эрек снова покачал головой.

"Ты не видишь всей картины", – сказал он. "Все наши люди живы. Наши корабли целы. Мы в плену, но имперских стражников на каждом корабле немного, а значит, мы превосходим их числом. Нужна всего лишь искра, чтобы разгорелось пламя. Застанем их врасплох – получим возможность спастись".

Строма, казалось, это не убедило.

"Мы не сможем на них напасть", – сказал он. "Мы беспомощны, поэтому числа не играют роли. А даже если нам удастся избавиться от пут, нас уничтожит их флот".

Эрек отвернулся от него, не желая считаться с пессимизмом брата. Вместо этого он посмотрел на Алистер, которая сидела всего в нескольких футах от него, с другой стороны мачты. Сердце его заныло. Она попала в плен из-за него. За себя-то он не волновался – он знал, какую цену приходится иногда платить на войне, но видеть её в таком состоянии он не мог и готов был отдать что угодно, только бы она оказалась в безопасности.

Эрек был перед ней в неоплатном долгу, ведь совсем недавно, на Драконьем Хребте, она в очередной раз спасла им всем жизнь, одолев морское чудовище. Он знал, что она ещё не пришла в себя после того сражения и не могла призвать свою волшебную силу. Но Эрек также ясно понимал, что она была их единственной надеждой.

"Алистер", – окликнул он её, как делал каждые пару минут в течение всей ночи. Он вытянулся, достал своей ступнёй до её ступни и осторожно потормошил её. Больше всего на свете он хотел сбросить свои путы, чтобы подойти к ней, обнять её, освободить её. Он ненавидел себя за свою беспомощность.

"Алистер", – позвал он опять. "Пожалуйста. Это Эрек. Очнись. Я умоляю тебя. Ты мне нужна, ты нужна *всем нам*".

Эрек ждал ответа и начинал терять надежду. Он боялся, что она никогда не оправится после последнего испытания.

"Алистер", – просил он её снова и снова. "Пожалуйста. Очнись ради меня".

Эрек смотрел на неё и ждал, но она не шевелилась. Она лежала совершенно неподвижно, без сознания, как никогда прекрасная в лунном свете. Эрек молился, чтобы она вернулась к жизни.

Но вскоре он отвернулся, опустил голову и закрыл глаза. Возможно, всё было кончено. Он не мог больше ничего сделать.

"Я здесь", – раздался в темноте тихий голос.

Эрек с надеждой поднял взгляд, увидел, что Алистер смотрит на него в ответ, и сердце его забилося быстрее, переполненное радостью и любовью. Она выглядела усталой, глаза её были полузакрытыми и сонными.

"Алистер, любовь моя", – зашептал он быстро. "Ты нужна мне. Последний раз. Без тебя я не справлюсь".

Она надолго закрыла глаза, а затем приоткрыла их едва заметно.

"Что тебе нужно?" – спросила она.

"Наши пути", – ответил он. "Нужно, чтобы ты нас освободила. Всех нас".

Алистер опять закрыла глаза, и повисла долгая пауза, во время которой Эрек слышал только как ветер обдувает корабль и волны тихо плещутся о борт. Чем больше времени проходило, тем меньше Эрек верил, что она очнётся снова.

Наконец, её веки медленно разомкнулись.

Невероятным усилием воли Алистер открыла глаза, приподняла голову и обвела взглядом все стоявшие вокруг корабля. Эрек увидел, как её зрачки сверкнули синим, озарив ночь, как два ярких маяка.

Внезапно, пути на запястьях Алистер лопнули. Эрек услышал треск верёвок и увидел, как она выставила перед собой обе ладони. Ослепительное сияние вырвалось из них наружу.

Мгновение спустя Эрек почувствовал жар у себя за спиной, ему будто пламенем обожгло запястья, и тут же верёвки на них ослабли. Узлы распутались, и ему хватило одного рывка, чтобы сбросить их с себя окончательно.

Эрек недоверчиво поднёс руки к глазам. Он был свободен. По-настоящему свободен.

Звук лопающихся верёвок раздался снова и Эрек увидел, что Стром тоже освободился от пут. Теперь треск верёвок раздавался по всему кораблю, и на соседних судах тоже, и все люди Эрека один за другим получили свободу.

Сотни пар глаз смотрели на своего главнокомандующего, и он поднёс палец ко рту, давая им знак притаиться. Эрек видел, что имперские стражники, стоявшие к пленникам спинами и лениво переговаривавшиеся друг с другом, ничего не заметили. Никто из них не был начеку.

Эрек махнул рукой Строму и остальным и первым начал подкрадываться к стражникам сзади.

"Вперёд!" – скомандовал он.

Все сорвались со своих мест и разом бросились на имперцев. Стражники, среагировав на скрип досок и топот ног, мигом обернулись и потянулись к своим мечам.

Но Эрек и его люди, закалённые опытные воины, отчаянно уцепившиеся за свой единственный шанс выжить, оказались проворнее. Стром налетел на одного солдата и схватил его за руку, прежде чем тот успел размахнуться, Эрек выхватил у него с пояса кинжал и перерезал ему глотку, а его брат завладел имперским мечом. Не смотря на все противоречия, в бою братья всегда действовали как одно целое.

Вокруг люди Эрека отбирали у имперцев оружие, и те гибли от собственных мечей и кинжалов. Особенно неповоротливых караульных просто сбрасывали за борт, и они с криками исчезали в чёрной толще океана.

Эрек окинул взглядом свою флотилию и увидел, что на всех кораблях его люди успешно разделились с караулом.

"Срезайте якоря!" – скомандовал он.

Матросы ринулись рубить канаты, удерживавшие суда на месте, и вскоре Эрек почувствовал, как палуба под его ногами привычно закачалась на волнах. Свобода была совсем близко.

Ночь огласилась тревожными звуками труб и криками и озарилась огнями факелов – имперцы наконец заметили, что что-то пошло не так. Эрек встал лицом к кораблям под чёрно-золотыми флагами, отрезавшим ему путь в открытое море, и приготовился к главному сражению всей своей жизни.

Но он не боялся. Его люди были живы и свободны. У них был шанс.

На этот раз, если им суждено было встретить смерть, они могли сделать это достойно.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Лицо Дариуса покрылось брызгами крови, когда сразу дюжина его соратников рухнула на землю, сражённые мечом имперца на огромном чёрном коне. Дариус никогда раньше не видел такого длинного клинка, способного одним взмахом срубить дюжину голов.

Крики нарастали со всех сторон, и повстанцы падали, как подкошенные. Всё было, как в кошмарном сне. Удары имперцев были быстрыми и мощными, и войско Дариуса теряло сотню за сотней, тысячу за тысячей.

Внезапно Дариус обнаружил, что стоит на чём-то вроде пьедестала, а всюду, насколько хватает его глаз, лежат тысячи тел. На улицах Волусии, сваленные в кучи, лежали трупы всех, кто пришёл сюда с ним. Никого не осталось. Ни единого человека.

Дариус завопил от отчаяния и собственной беспомощности. Он почувствовал, как сзади к нему подошли имперские солдаты, схватили его, кричащего, обезумевшего от горя, и потащили в темноту.

Дариус резко проснулся, хватая ртом воздух и дрожа всем телом. Он огляделся по сторонам, пытаясь понять, что происходило на самом деле, а что ему приснилось. Он услышал звяканье цепей, и, когда его глаза привыкли к темноте, он нашёл источник звука – это были тяжёлые кандалы на его лодыжках. Всё его тело ныло, свежие раны саднили, и весь он был покрыт потёками запёкшейся крови. Каждое движение давалось ему с таким усилием и болью, будто по нему недавно промаршировал целый батальон. Один глаз у него был сильно подбит и почти не открывался.

Дариус стал медленно изучать своё окружение. Сперва он выдохнул с облегчением, когда понял, что только что пережитый кошмар был просто сном, но постепенно воспоминания вернулись к нему, и он снова скорчился от боли. Многие из его сегодняшнего сна сучилось в реальности. У него в сознании вспышками появлялись и гасли картинки битвы против Империи у входа в Волусию: засада, падающая решётка на воротах, наступающие отряды врага, резня. Предательство.

Он напрягся и восстановил в памяти, как убил нескольких имперцев и как отключился от удара тупой стороной топора в голову.

Под перезвон цепей, Дариус достал руками до головы и ощупал огромную шишку над виском, отёк от которой расплзся на пол-лица, и свой заплывший глаз. Значит, память его не подвела.

Вместе с ощущением реальности к нему вернулись горе и сожаления. Его соратники, все, кого он когда-либо любил, были мертвы. По его вине.

Он стал лихорадочно оглядываться в поисках следов кого-то из своих людей, кого-то из выживших. Многие могли остаться в живых и стать пленниками, как и он сам.

"Шевелись!" – раздался в темноте хриплый выкрик.

Грубые руки подхватили Дариуса и подняли на ноги, а затем чей-то ботинок с силой пнул его в поясницу.

Дариус взвыл от боли и, спотыкаясь и грохоча цепями, влетел в спину паренька, стоявшего перед ним. Паренёк резко выставил назад локоть, оттолкнув Дариуса обратно.

"Не прикасайся ко мне больше", – процедил он сквозь зубы.

Дариус присмотрелся к этому отчаянному, тоже закованному в кандалы, мальчишке и понял наконец, что стоит в длинной веренице пленников, прикованных друг другу за лодыжки и запястья, и всю их цепь сейчас тянут по плохо освещённому каменному туннелю. Имперские надзиратели при необходимости ускоряли их движение пинками и толчками.

Дариус всматривался в лица вокруг, но никого не узнавал.

"Дариус!" – услышал он вдруг резкий шёпот. "Не падай больше! Они убьют тебя!"

Сердце Дариуса подпрыгнуло от звука знакомого голоса. Он обернулся и увидел, что в нескольких футах позади него в цепи стояли Дезмонд, Радж, Каз и Люци – его верные друзья. Они тоже были в кандалах и выглядели жутко побитыми, как, наверное, и сам Дариус. В их взглядах читались радость и облегчение от того, что он жив.

"Ещё раз откроешь рот, – прошипел надзиратель Раджу, – и я вырву твой язык!"

Дариус, воодушевлённый встречей с друзьями, сразу же задумался о судьбе всех остальных, кто дрался с ними бок о бок на улицах Волусии.

Когда надзиратель двинулся в хвост процессии и скрылся из виду, Дариус обернулся и зашептал в ответ.

"Что с другими? Кто-нибудь ещё выжил?"

Он в глубине души молил о том, чтобы сотни его людей пережили ту страшную ночь и ждали его, пусть даже в тюрьме.

"Нет", – раздался категоричный ответ. "Только мы. Все остальные мертвы".

Дариуса будто под дых ударили. Он осознал, как подвёл всех, и, против его собственной воли, по его щеке покатилась слеза.

Он был готов разрыдаться. Часть его хотела умереть. Он не мог смириться с мыслью о том, что все его воины, все жители рабских деревень... Они начали революцию, которая должна была стать величайшим событием всех времён и навсегда изменить облик Империи.

Но всё оборвалось и их надежды утонули в крови.

Теперь у них не осталось ни малейшего шанса на освобождение.

Дариус плёлся вперёд, преодолевая боль от ран и ушибов, от кандалов, которые впивались в кожу, и гадал, где они могли находиться. Ему хотелось понять, откуда взялись все эти незнакомые пленные и куда их веди. Он заметил, что все парни в веренице были примерно его возраста и крепкого телосложения, будто имперцы специально отобрали воинов.

Они зашли за поворот тёмного каменного туннеля, и внезапно их ослепил яркий солнечный свет, пробивавшийся между прутьями железной решётки в конце коридора. Дариуса грубо дёрнули, подтолкнули дубинкой между рёбер, и вскоре общий поток вынес его в открытую перед ними дверь, на дневной свет.

Дариус не удержался на ногах и вместе с остальными пленниками повалился в грязь. Он сплюнул набившуюся в рот землю и поднял руки, чтобы защитить глаза от безжалостных солнечных лучей. На него сверху рухнули ещё несколько человек, запутавшихся в своих цепях.

"Встать!" – приказал надзиратель.

Его помощники пошли от парня к парню, подгоняя их дубинками, пока все кое-как не поднялись на ноги. Дариус стоял пошатываясь от того, что его товарищи по несчастью, прикованные к нему цепями с обеих сторон, никак не могли восстановить равновесие.

Они оказались у края покрытой грязью арены диаметром около пятидесяти футов, окружённой высокими каменными стенами, на которую выходили несколько зарешёченных дверей. В центре напротив них стоял угрюмый имперский надзиратель – судя по всему, командир. Он был огромным, выше всех прочих, с жёлтой кожей и рожками и сверкающими красными глазами. На его ничем не прикрытом торсе играли выпирающие мускулы. На ногах у него были чёрные защитные пластины и высокие сапоги, а на руках – клёпанные кожаные нарукавники с отличительными знаками офицера имперской армии. Он прошёлся вдоль шеренги пленников, смерив их неодобрительным взглядом.

"Я Морг", – произнёс он властным раскатистым голосом. "Вы будете обращаться ко мне "сэр". Отныне вы подчиняетесь мне. Я – это вся ваша жизнь".

Он сделал вдох и пошёл вдоль ряда обратно.

"Добро пожаловать в ваш новый дом", – продолжил он, и голос его стал больше похож на звериный рык. "Ваш временный дом, так сказать. Потому что вы все умрёте ещё до восхода луны. И я получу огромное наслаждение, наблюдая за этим".

Он хищно ухмыльнулся.

"Но пока вы здесь, – добавил он, – вы будете жить ради моего развлечения. И ради развлечения всех остальных. На потеху всей Империи. Вы теперь – наши игрушки. Вам уготована роль в шоу, и развлекать вы нас будете своей смертью. Поверьте, я позабочусь о том, чтобы нам было весело".

Жестокая усмешка не сползала с его лица, пока он мерил арену медленными шагами и внимательно изучал свою добычу. Вдалеке раздался оглушительный вопль, и земля вздрогнула у Дариуса под ногами. Это кричали сотни тысяч горожан Волусии, одержимых жадой крови.

"Слышали?" – спросил надзиратель. "Это – клич смерти. Жажды смерти. За этими стенами находится большая арена. Там вы будете драться с другими и друг с другом, пока никого не останется в живых".

Он вздохнул.

"Всего будет три раунда", – добавил он. "Последний выживший, если такой будет, получит свободу и шанс выступить на величайшей из всех арен. Но не стройте лишних надежд – никому ещё не удавалась выстоять так долго".

"Ваша смерть не будет лёгкой", – сказал он наконец. "Я прослежу за этим лично. Я хочу, чтобы вы умирали медленно, чтобы вы доставили зрителям максимум удовольствия. Здесь вы научитесь драться, и драться хорошо, чтобы продлить наше шоу. Вы больше не люди. Вы даже ниже по рангу, чем рабы – вы гладиаторы. Осваивайтесь в новой роли. Играть придётся недолго".

ГЛАВА ПЯТАЯ

Волусия вела свою армию через пустыню, и топот сотен тысяч солдатских сапог доносился до самого неба. Этот звук был музыкой для её ушей, он знаменовал близость к цели, к победе. Она шла и удовлетворённо смотрела по сторонам: всюду на подходах к столице Империи, до самого горизонта, растрескавшаяся земля пустыни была усыпана трупами. Тысячи тел неподвижно распластались на спинах, и их последние, полные муки взгляды были устремлены к небесам. Их будто сбило и раскатало огромное цунами.

Но Волусия знала, что цунами тут не при чём. Всё это сотворили её колдуны – воксы. Они наложили сильнейшее заклятье на всех, кто ждал её в засаде и желал её гибели.

Волусия усмехалась, глядя на дело своих рук, наслаждаясь победоносным днём и тем, что ей в очередной раз удалось перехитрить своих врагов. Перед ней лежали все лидеры Империи, великие полководцы, не знавшие поражений, и после их гибели больше ничто не могло помешать ей войти в столицу. Все заносчивые имперские командиры, посмевавшие бросить ей вызов – все до единого были мертвы.

Волусия прокладывала путь среди их тел, иногда обходя их, иногда переступая, а иногда, когда ей хотелось, шагая прямо по ним. Чувствовать плоть врага под подошвами своих сапог доставляло ей несравненное удовольствие. В такие моменты она снова чувствовала себя ребёнком.

Волусия подняла взгляд и увидела, как вдали блеснул золотой купол – главная достопримечательность столицы. Затем показались толстые городские стены ста футов в высоту и высокие золотые двери в арочном проёме парадного входа. По её телу пробежала радостная дрожь, когда она почувствовала, что вот-вот свершится её судьба. Между ней и столь желанным тронem не осталось никаких препятствий. Не осталось ни одного политика или главнокомандующего, который смог бы оспорить её право на власть. Её долгий многомесячный поход, за время которого она захватила каждый город на своём пути и многократно увеличила своё войско, близился к завершению. За этими стенами, за золотыми дверями, была её самая важная победа. Совсем скоро она войдёт туда, примет власть, и тогда уже ничто её не остановит. Она станет командовать всеми имперскими армиями, всеми провинциями и регионами, четырьмя рогами и двумя шипами, и заставит каждое живое существо в Империи признать её – человека – своей верховной правительницей.

Больше того, она обяжет их называть её *Богиней*.

Мысль об этом вызвала у неё улыбку. Она поставит собственные статуи в каждом городе, перед каждым домом правительства, назовёт в свою честь праздники, её имя станет звучать на улицах вместо приветствия, и вскоре вся Империя забудет прошлых правителей и будет поклоняться ей одной.

Волусия шла во главе своей армии, в лучах утренних солнц, рассматривала золотые двери впереди и предвкушала один из величайших моментов своей жизни. Она вела своих людей за собой и чувствовала себя непобедимой, особенно теперь, когда все предатели, затесавшиеся в её ряды, были мертвы. Как глупо с их стороны было думать, что она настолько наивна, чтобы попасться в их ловушку, только из-за её юного возраста. Куда их завели их седины? Что дал им их опыт, кроме безвременной гибели? Они и представить не могли, что она мудрее их всех.

Но всё же, по мере того, как она подсчитывала в уме тела имперцев, разбросанных по пустынной равнине, её начинало одолевало беспокойство. Их было не так много, как должно было – всего несколько тысяч вместо ожидаемых ею *сотен* тысяч, и это точно были не основные силы армии Империи. Значит, генералы привели не все свои войска? А если так, то где они могли быть сейчас?

Она начала сомневаться на счёт того, что столица Империи, пусть и лишённая своих лидеров, не даст ей отпор.

Подойдя к воротам столицы, Волусия жестом приказала Вокину выйти вперёд, а всей своей армии – остановиться.

Когда все они разом замерли, над пустыней воцарилась естественная утренняя тишина, нарушаемая только ветром, вздымающим пыль над землёй, и шорохом катящихся шаров перекасти-поля. Волусия рассматривала огромные запертые двери с вырезанными в золоте узорами и вензелями, повествующими о великих битвах прошлого. Эти двери были знамениты на всю Империю – рассказывали, что они были двенадцати футов толщиной, а на их гравировку ушла сотня лет. Они были символом силы, объединяющим все имперские земли.

Волусия, которая впервые в жизни оказалась так близко к главным воротам столицы, теперь смотрела на них с благоговейным трепетом. Эти двери были не только символом могущества и нерушимости государства, но и настоящим произведением искусства. Ей до боли хотелось протянуть руку и коснуться золотых створок, пробежать ладонями по золотой резьбе.

Но она понимала, что сейчас не время для этого. Глядя на ворота, она не могла отделаться от дурного предчувствия. Что-то было не так. Они не могли не охраняться. Да и чересчур тихо было вокруг.

Волусия подняла голову и на верхушке городских стен, всюду вдоль парапетов, она увидела тысячи имперских солдат, выстроившихся в полной готовности, с луками и копьями, нацеленными вниз.

В центре стоял имперский генерал и смотрел на неё и её войско сверху вниз.

"Ты сглупила, подойдя так близко", – прогрохотал он, и эхо вторило каждому его слову. "Ты у нас под прицелом. Стоить мне шевельнуть пальцем, и через секунду ты умрёшь."

Но я могу и пощадить тебя. Прикажи своим людям сложить оружие, и я оставлю тебя в живых".

Волусия смотрела вверх на генерала, чьего лица было почти не видно из-за яркого солнца, на этого последнего военачальника, оставленного оборонять столицу, и на его людей, стоявших на укреплениях, и понимала, что он не шутил.

"Я дам вам шанс сложить *ваши* оружие, – крикнула она в ответ, – прежде, чем я убью всех ваших людей и сожгу столицу дотла".

Он только хмыкнул и опустил забрало шлема, готовясь к битве, и все его воины последовали его примеру.

Тут же в Волусию со скоростью молнии полетели тысячи стрел и копий, и небо над ней почернело от града обрушенного на неё оружия.

Волусия осталась стоять неподвижно на своем месте, ни разу не даже не дёрнувшись и никак не выказав страха. Она знала, что никакой снаряд не может причинить ей вред. Ведь она была богиней.

Рядом с ней Вокин выставил вверх свою зелёную ладонь, и из неё вылетел шар зелёного света, поднявшийся у Волусии над головой и закрывший её прозрачным щитом. Мгновением позже, стрелы и копья отскочили от него и, не нанеся никакого ущерба, свалились грудой на землю у её ног.

Волусия удовлетворённо посмотрела на растущую кипу оружия, а затем перевела взгляд на поражённые лица имперский солдат.

"Я даю вам ещё один шанс сдаться!" – крикнула она им.

Имперский военачальник напрягся. Он был рассержен и напуган, и явно колебался, но не позволил себе поддаться. Вместо этого он дал знак своим людям прицелиться.

Волусия кивнула Вокину, а он махнул своим сородичам. Дюжины воксов вышли вперёд, выстроились в линию и подняли руки над головой, наводя прицел ладонями. Секунду спустя, дюжины зелёных шаров заполонили небо и полетели к стенам столицы.

Волусия предвкушала превосходное зрелище, ожидая, что стены рухнут, и все, кто стоит на них, разобьются у её ног, а она получит столицу в свои руки. Она не могла дождаться взойти на трон.

Но, к её недоумению и разочарованию, шары зелёного света безвредно отскочили от стен и рассыпались на яркие искры. Она не могла понять, почему они не действовали.

Волусия обернулась к Вокину, но он тоже был растерян.

Имперский генерал ухмыльнулся им с высоты.

"Не ты одна пользуешься магией", – сказал он. "Стены нашей столицы не поддаются никаким чарам. За тысячи лет, что они стоят здесь, на столицу пытались напасть армии гораздо больше твоей, но, как видишь, безрезультатно. Их нельзя разрушить при помощи колдовства, только человеческими руками".

Он расплылся в широкой ухмылке.

"Ты совершила ту же ошибку, – добавил он, – что и многие другие горе-завоеватели до тебя: идя на столицу, ты возлагала слишком большие надежды на магию. И ты за это заплатишь".

Над парапетами раздался звук рога, Волусия оглянулась, и с ужасом увидела, как на горизонте вдруг возникла имперская армия. Сотни тысяч солдат в чёрной форме заслонили собой небо впереди неё – их было многократно больше, чем стоявших у неё за спиной. Судя по всему, всё это время они скрывались за стеной на другом конце столицы, в пустыне, и ждали сигнала своего генерала. Волусия поняла, что она не просто ввязалась в очередную битву, а начала настоящую войну.

Рог протрубил снова, и створки золотых дверей перед ней внезапно начали отворяться. Когда проход между ними стал достаточно широким, оттуда показались новые тысячи имперских солдат и с громовым боевым кличем бросились в атаку прямо на неё.

В тот же момент сотни тысяч солдат, стоявших на горизонте, тоже сорвались с места и атаковали с другой стороны. Армия Волусии оказалась зажата между двумя огромными отрядами имперских сил.

Волусия, не двинувшись с места, подняла над головой руку со сжатым кулаком и резко опустила её вниз.

По этой негласной команде её армия, тоже с оглушительным криком, ринулась навстречу врагу.

Волусия знала, что от исхода этой битвы будет зависеть судьба столицы. Её колдуны подвели её, но солдаты не подведут. В конце концов, в ней было больше жестокости, чем в любом мужчине, и магия здесь была не при чём.

Она стояла и смотрела, как лавина врагов несётся на неё, и предвкушала возможность убить или быть убитой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Гвендолин почувствовала толчок в голову, открыла глаза и растерянно оглянулась по сторонам. Она лежала на боку на жёстком деревянном настиле и всё плыло у неё перед глазами. Послышалось тихое поскуливание, и что-то влажное коснулось её щеки. Она повернула голову и увидела, что рядом с ней лежит свернувшись клубочком Крон и лижет её лицо. Сердце её подпрыгнуло от радости – Крон выглядел больным, истощённым, усталым, но всё же он был жив. Только это и имело значение. Он тоже спасся.

Гвен облизнула губы и ощутила, что они были уже не такими сухими, как прежде. Суметь коснуться их языком тоже было большим достижением, ведь до этого он был таким распухшим, что совсем не шевелился. Холодная щекочущая струя воды полилась ей в рот, и, подняв глаза, она увидела одного из пустынных кочевников, стоящего над ней с бурдюком. Она жадно пила, ещё и ещё, пока он не убрал бурдюк.

Тогда Гвен схватила его за запястье и потянула его к Крону. Кочевник сперва посмотрел на неё с недоумением, но потом понял, чего она хочет, и налили немного воды Крону в пасть. Гвен с облегчением смотрела, как Крон лакает воду, лёжа ядом с ней и тяжело дыша.

Настил под Гвен дёрнулся так, что она ударилась головой, а затем задрожал и развернулся, и теперь ей не было видно ничего, кроме неба с плывущими мимо облаками. Она чувствовала, что с каждым новым толчком её тело поднимается всё выше и выше над землёй, и не могла понять, где она и что происходит. У Гвен не было сил привстать, но она смогла вытянуть шею и увидеть, что широкая деревянная платформа, на которой она лежала, висела на верёвках, привязанных по углам. Высоко вверх кто-то тянул за верёвки, скрипящие от старости, и с каждым рывком платформа поднималась немного выше. Гвен поднимали вдоль бесконечных отвесных скал, тех самых, которые она видела, прежде чем потеряла сознание. Верхушки скал венчали укрепления с сияющими рыцарями на посту.

Вспомнив это, Гвен обернулась и бросила взгляд вниз. У неё закружилась голова: между платформой и песком пустыни было уже несколько сот футов, и подъём продолжался.

До крепостных парапетов оставалось около ста футов вверх. Там, наверху, почти невидимые в слепящем солнечном свете, стояли и смотрели на неё рыцари, ожидая её прибытия.

Бросив взгляд на них, Гвен мгновенно обернулась и осмотрела платформу в поисках своих спутников. К её несказанному облегчению, они всё ещё были с ней: Кендрик, Сандара, Стеффен, Арлисс, Абертол, Иллепра, малышка Крея, Стара, Брандт, Атме и несколько человек из Серебра. Все они лежали вдоль платформы, и за ними ухаживали кочевники, поившие и умывавшие их водой. Гвен исполнилась благодарности к этим странным кочевым существам, спасшим их жизни.

Она снова закрыла глаза, откинула голову на жёсткое дерево – ей показалось, что она весила тысячу фунтов. Крон уютно свернулся рядом с ней, и ничто, кроме поскрипывания верёвок, не нарушало приятную тишину. Путь, который проделала Гвен, был очень долгим и далёким, и она едва смела надеяться на то, что он вскоре завершится. Им оставалось совсем чуть-чуть до вершины, и она молилась о том, чтобы рыцари, кем бы они ни были, проявили такое же гостеприимство, как и кочевники из пустыни.

С каждым рывком платформы солнце становилось всё жарче и жёстче, и вокруг не было ни островка тени, где можно было бы спрятаться. Гвен казалось, что от неё сейчас останется только высохшая шелуха, что её тянут в прямо вглубь светила.

Ощувив последний сильный толчок, Гвендолин открыла глаза и поняла, что снова уснула. Кочевники снова осторожно подняли её и всех её людей и переложили на полотняные носилки, чтобы затем перенести с платформы на парапеты. Наконец, Гвендолин почувствовала, что её

опустили на каменный пол, где она и лежала лицом вверх, жмурясь от солнца. Она была слишком истощена, чтобы поднять голову, и не знала, проснулась ли она или ещё спит.

Вокруг неё собрались дюжины рыцарей в безупречно начищенных латах и кольчугах. Они с любопытством смотрели на неё сверху вниз. Гвен не понимала, как эти рыцари оказались в Великой Пустоши, в этом затерянном уголке пустыни, и зачем они несли караул на вершине огромной скалы под беспощадными лучами обоих солнц. Как они выживали здесь? Что охраняли? Откуда у них были такие царские доспехи? Не было ли всё это её сном?

Даже в Кольце, где соблюдали древние воинские традиции, мало кто мог похвастаться подобным обмундированием. На рыцарях были самые замысловатые доспехи из всех, что Гвен доводилось видеть: разные их части были отлиты из серебра, платины и ещё какого-то неизвестного ей металла, и покрыты затейливыми гравировками. Оружие было им под стать. Эти люди явно были профессиональными воинами. Они напомнили Гвен о дне, когда её, совсем ребёнка, отец взял с собой в поле на армейский сбор. Он показал ей своих солдат, выстроившихся идеально ровными длинными рядами, излучавших мощь и величие. Гвен тогда не могла поверить в то, что такая красота вообще существует, что это происходило наяву. Может, она умерла, и попала в свой персональный рай?

Но тут она услышала шаги, и один из рыцарей вышел вперёд, снял шлем, и взглянул на неё ярко-синими глазами, полными мудрости и участия.

Ему было около тридцати лет, голова его была абсолютно лысой, а подбородок украшала короткая светлая борода, и при этом он был очень хорош собой. Судя по доспехам, он был старшим офицером.

Рыцарь повернулся к кочевникам.

"Они живы?" – обратился он к ним.

Вместо ответа один из кочевников потянулся посохом и легонько толкнул Гвендолин, и та шевельнулась. Больше всего ей хотелось сесть, поговорить с ними, узнать, кто они, но она была слишком измучена, а в горле было слишком сухо, чтобы хоть как-то их поприветствовать.

"Невероятно", – сказал другой рыцарь, и, звеня шпорами, подошёл ближе. Всё больше и больше его соратников окружали Гвен и её людей, разглядывая их, как дикушку.

"Это невозможно", – сказал кто-то. "Как им удалось выжить в Великой Пустоши?"

"Они бы не смогли", – подал голос другой. "Наверное, они дезертиры. Они каким-то образом прорвались через Перевал, заблудились в пустыне и решили вернуться".

Гвендолин попыталась ответить, рассказать ему обо всём, что случилось, но не смогла собраться с силами, чтобы произнести хоть слово.

После короткого молчания слово взял командир рыцарей.

"Нет", – сказал он уверенно. "Посмотрите на гравировку на его доспехах", – он толкнул Кендрика носком своего ботинка. "Это не наши доспехи. Но и не имперские тоже".

Все рыцари потрясённо переглянулись.

"Откуда же они, в таком случае?" – спросил кто-то с удивлением в голосе.

"И как они узнали, где нас искать?" – добавил другой.

Их командир обратился к кочевникам.

"Где вы их нашли?" – спросил он.

Кочевники наперебой запищали в ответ, и Гвендолин увидела, как глаза рыцаря округлились.

"По другую сторону песчаной стены?" – переспросил он. "Вы уверены?"

В ответ он получил утвердительный писк.

Командир повернулся к своим подчинённым.

"Я думаю, они не знали, что мы здесь. Им просто повезло, что кочевники нашли их и принесли сюда ради награды, приняв за наших".

Рыцари обменялись взглядами, по которым было ясно, что раньше ничего подобного не случалось.

"Мы не можем взять их к себе", – сказал один из рыцарей. "Вы же знаете правила. Впустить их означает оставить след. Мы не должны оставлять никаких следов. Никогда. Нужно отправить их обратно в Пустошь".

В наступившей долгой тишине было слышно только завывание ветра, и Гвендолин чувствовала, что они колеблются в своём решении. Её не нравилось, что пауза настолько затянулась.

Гвен попыталась подняться в знак протеста, сказать им, что они не могут отправить их назад в пустыню, просто не могут. Только не после всего, через что им пришлось пройти.

"Если мы не примем их, они погибнут, – заговорил наконец командир, – а наш кодекс чести предписывает помогать нуждающимся".

"Но если мы их впустим, – возразил ему один из рыцарей, – это может означать гибель для всех нас. Империя может пройти по их тропе. Они обнаружат наше укрытие. Мы подвернем опасности весь наш народ. Ты предпочтёшь позволить погибнуть нескольким чужакам или всем своим людям?"

Гвен видела, что командир всерьёз задумался над этими словами, и на его лице отразилась мука от необходимости принять сложное решение. Она как никто другой знала, каково это – делать такой выбор. Сейчас она была настолько слаба, что ей оставалось только смириться с обстоятельствами и надеяться на доброту этих людей.

"Может, ты и прав, – в конце концов нехотя проговорил командир, – но я не отвернусь от невинных людей и не отправлю их на смерть. Они войдут".

Он развернулся к своим людям.

"Спустите их вниз с другой стороны", – приказал он властным голосом. "Мы покажем их нашему королю, и он сам вынесет вердикт".

Его подчинённые послушались и принялись за дело – начали готовить деревянную платформу с другой стороны стены к спуску, но один из рыцарей не спускал с командира озабоченного взгляда.

"Ты нарушаешь королевский указ", – сказал он. "Никому из чужаков не позволено переходить через Перевал. Никогда".

Командир непоколебимо смотрел ему в ответ.

"Никому из чужаков и не удавалось добраться до наших ворот", – парировал он.

"Король может бросить тебя в тюрьму за это", – сказал рыцарь.

Но и этот довод не подействовал.

"Я готов пойти на такой риск".

"Ради незнакомцев? Жалких пустынных странников?" – спросил рыцарь удивлённо. "Мы даже не знаем, что они за люди".

"Каждая жизнь ценна", – возразил командир. "А ради сохранения собственной чести я готов отбыть хоть тысячу тюремных сроков".

Он кивнул своим людям, ждавшим его команды, и Гвен внезапно почувствовала, что её взяли на руки и прижали к металлу доспехов. Рыцарь нёс её с такой лёгкостью, будто она была пушинкой, а рядом другие несли её спутников. Гвен увидела, что они шли по ровной площадке из белого камня, примерно в сто футов шириной, которая венчала собой скальный хребет. На руках у рыцаря ей было так спокойно, как не было уже очень давно. Ей очень хотелось сказать ему спасибо, но не было сил, чтобы открыть рот.

Они достигли противоположной стороны парапета, и когда рыцари перекладывали их на другую платформу, чтобы спустить с перевала, Гвен уголком глаза увидела их место назначения. Это был незабываемый вид, от которого у неё перехватило дух. Скальный хребет, вздымавшийся над пустыней, будто сфинкс, имел форму огромного круга, настолько широкого,

что его дальние контуры исчезали за облаками. Она поняла, что это была защитная стена. По другую сторону хребта, далеко внизу, Гвен увидела блестящее синее озеро, большое, как море, и ослепительно сверкающее в свете пустынных солнц. Красота и глубина его синевы, вся эта бескрайняя водная гладь заставила её в восторге задержать дыхание.

А за озером, на горизонте, вдаль простирались необъятные земли, которые, к шоку Гвен, были плодородными, зелёными и бушующими жизнью. Всюду, куда бы она ни посмотрела, были фермы, сады, леса и виноградники – изобильный край. Это было райское место, самое прекрасное из всех, где она бывала.

"Добро пожаловать в земли за перевалом, моя госпожа", – произнёс командир.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Годфри, спавшего свернувшись калачиком, разбудил ровный настойчивый стон, вмешавшийся в его сны. Он медленно открыл глаза, не до конца понимая, правда ли он проснулся, или застрял в нескончаемом ночном кошмаре. Он поморгал, привыкая к тусклому свету и пытаясь стряхнуть остатки сна. Ему приснилось, что он был марионеткой на нитках, свисавших со стен Волусии, а управляли им финианцы, которые дёргали за нитки заставляя его смешно шевелить руками и ногами прямо в проёме городских ворот. Его заставляли смотреть, как внизу под ним тысячи его соотечественников режут, как скот, и по улицам Волусии текут реки крови. Каждый раз, когда ему казалось, что всё закончилось, финианец снова тянул за нитку – вверх-вниз, вверх-вниз...

Наконец, возникший стон разбудил его и прекратил эти страдания. Годфри, с раскалывающейся от боли головой, перекатился по полу и обнаружил, что источник стога был в паре футов от него. Там бок о бок, скукожившись, лежали Акорт и Фултон, покрытые синяками и кровоподтёками, и стонали хором. Неподалёку, на каменном полу тюремной камеры, неподвижно распластались Мерек и Арио. Они тоже были сильно избиты, но по крайней мере, они все были здесь вместе и, насколько Годфри мог видеть, дышали.

Годфри ощутил облегчение вперемешку с отчаянием. Он был удивлён, что всё ещё жив после засады, свидетелем которой стал, удивлён, что финианцы не зарезали его на месте. Но в то же время он был опустошён, убит горем и чувством вины, осознанием того, что он завёл Дариуса и остальных в ловушку за воротами Волусии. Наивность его погубила. Как он мог быть настолько глуп, чтобы довериться финианцам?

Годфри закрыл глаза и помотал головой, желая забыть всё, что произошло ночью, желая всё переиграть. Он, сам того не подозревая, заманил Дариуса и его людей на бойню. Снова и снова в голове он слышал вопли людей, дравшихся за свою жизнь и пытавшихся спастись, и их эхо отдавалось у него в мозгу и не давало ни секунды покоя.

Годфри зажал уши ладонями в попытке заглушить стоны Акорта и Фултона, которых мучила боль от побоев и от ночи, проведённой на жёстком каменном полу.

Годфри поднял голову, весившую, казалось, тысячу фунтов, привстал и осмотрел своё окружение – тесную тюремную камеру, где были только он, его друзья и несколько незнакомцев. Он обрёл небольшое утешение в том, что, судя по мрачному виду камеры, смерть, а значит и избавление от мук, ждёт их совсем скоро. Эта тюрьма отличалась по виду от предыдущей, и больше была похожа на место временного содержания приговорённых к казни.

Вдалеке послышался крик заключённого, которого тащили прочь по коридору, и Годфри сообразил, что они и впрямь находятся в загоне для смертников. Он раньше слышал о казнях в Волусии и знал, что с первыми лучами солнца его и остальных выведут на спортивную арену, где добропорядочные граждане смогут насладиться тем, как их разорвут на клочки разифы, прежде чем начнутся настоящие гладиаторские бои. Вот почему их оставили в живых так надолго. Теперь всё встало на свои места.

Годфри кое-как поднялся на четвереньки и стал по очереди толкать своих друзей, пытаясь разбудить их. У него кружилась голова и болел каждый дюйм тела, покрытого синяками и шишками, и было больно шевелиться. Последним, что он помнил, было как солдаты сбили его с ног, он потерял сознание, и после этого они, вероятно, избили его ногами. Финианцы, эти трусливые предатели, не стали бы сами пачкать руки.

Годфри сжимал виски руками, удивляясь тому, как сильно может болеть голова даже без выпивки. Он покачиваясь встал, стараясь унять дрожь в коленках, и оглянулся по сторонам. За решёткой тёмной камеры, спиной к узникам и не обращая на них особого внимания, стоял единственный караульный. Но железные прутья решётки были толстыми, а замок на двери –

надёжным, и Годфри понимал, что в этот раз сбежать не удастся. Теперь они дождутся тут смерти.

Рядом с ним на ноги медленно поднялись Акорт, Фултон, Арио и Мерек, и тоже оценили обстановку. В их глазах он заметил недоумение и страх, а затем, когда к ним стала возвращаться память, ещё и сожаление.

"Они все погибли?" – спросил Арио, глядя на Годфри.

У Годфри скрутило живот от боли. Он кивнул.

"Это наша вина", – сказал Мерек. "Мы их подвели".

"Именно так", – ответил Годфри надломленным голосом.

"Я говорил тебе не доверять финианцам", – сказал Акорт.

"Вопрос не в том, кто виноват, – вмешался Арио, – а в том, что мы с этим будем делать. Мы смиримся с тем, что все наши братья и сёстры погибли напрасно? Или отомстим?"

Годфри увидел, что юный Арио говорит серьёзно, и поразился его стальному характеру и решимости, которую он сохранял даже в плену, накануне смерти.

"Отомстим?" – переспросил Акорт. "Ты спятил? Мы закрыты под землёй, за железной решёткой и под присмотром имперских стражей. Все наши люди мертвы. Мы посреди враждебного города, окружены враждебной армией. Наше золото пропало. Наши планы пошли прахом. О какой мести может идти речь?"

"Выход есть всегда", – сказал Арио твёрдо и повернулся к Мереку.

Теперь все взгляды были устремлены на него, и он задумчиво нахмурил брови.

"Я не эксперт по части мести", – сказал Мерек. "Я убиваю людей сразу, если они мне досаждают. Я не жду".

"Но ты непревзойдённый вор", – сказал Арио. "Ты сам говорил, что провёл в тюрьмах всю жизнь. Ты ведь сможешь вытащить нас отсюда?"

Мерек обернулся и изучил камеру, решётку, окна, ключи, стражника – ничто не скрылось от его профессионального взгляда. Он всё взвесил и помрачнел.

"Это не обычная тюремная камера", – сказал он. "Это, должно быть, камера финианцев. Очень дорогая и качественная работа. Я не вижу слабых мест, никакой надежды на побег, как бы мне ни хотелось сказать вам обратное".

Годфри, обескураженный, пытаясь не обращать внимания на крики других пленников в коридоре, подошёл к двери камеры, прижался лбом к прохладному металлу и закрыл глаза.

"Тащите его сюда!" – прогремел голос из темноты.

Годфри открыл глаза, повернул голову, и увидел, что пара имперских солдат волочет по коридору узника. У него на груди висела перекинутая через плечо красная лента, а сам он безвольно лежал в руках стражей и даже не пытался сопротивляться. Больше того, когда они приблизились, Годфри увидел, что солдатам приходилось тащить его, потому что он был без сознания. С ним явно что-то было не в порядке.

"Принесли мне ещё одного чумного?" – буркнул караульный презрительно. "Что мне с ним делать?"

"Не наша забота!" – ответили ему.

Караульный на посту безгласно отстранился.

"Я не буду к нему прикасаться!" – заявил он. "Бросайте его сюда, в яму к другим жертвам чумы".

Стражники посмотрели на него неуверенно.

"Но он ещё жив", – возразили они.

Караульный скривился.

"Думаете, мне не всё равно?"

Стражники переглянулись и сделали, как им велят – перетащили узника в другой конец коридора и швырнули в глубокую яму. Годфри увидел, что там было полно тел с такими же красными лентами.

"А что, если он попробует убежать?" – спросили стражники перед уходом.

Караульный жестоко ухмыльнулся.

"Вы что, не знаете, что чума делает с людьми?" – спросил он. "Он умрёт к утру".

Двое стражников развернулись и ушли, а Годфри остался смотреть на больного чумой, который лежал в совсем неохраиваемой яме, и его внезапно посетила идея. Она была настолько безумной, что могла сработать.

Годфри повернулся к Акоту и Фултону.

"Ударьте меня", – сказал он.

Они переглянулись, сбитые с толку.

"Я сказал, ударьте меня!" – настаивал он.

Они отрицательно помотали головами.

"Ты с ума сошёл?" – спросил Акот.

"Я не буду тебя бить", – отозвался Фултон. "Хоть ты этого и заслуживаешь".

"Я приказываю вам ударить меня!", – требовал Годфри. "Сильно. В лицо. Сломайте мне нос! ЖИВО!"

Но Акот и Фултон отвернулись.

"Тронуся", – пробормотали они.

Годфри обернулся к Мереку и Арио, но они тоже попятнулись.

"Что бы это ни было, – сказал Мерек, – я не желаю в этом участвовать".

Неожиданно к Годфри подошёл один из незнакомых узников.

"Я тут нечаянно подслушал", – сказал он, расплывшись в беззубой ухмылке и обдав Годфри смрадным дыханием. "Я с большим удовольствием ударю тебя, чтобы ты просто заткнулся к чёртовой матери! Меня дважды просить не надо!"

Незнакомец размахнулся и через миг его кулак впился костяшками Годфри в переносицу. Острая боль будто взорвала его черепную коробку, он взвыл и закрыл лицо руками. Кровь фонтаном лилась ему на лицо и стекала по шее вниз на рубашку. От боли он почти ослеп.

"Теперь мне нужна лента", – сказал Годфри Мереку, переводя дух. "Сможешь достать её?"

Озадаченный Мерек проследил за его взглядом, упёршимся в узника, неподвижно лежавшего в яме на противоположной стороне коридора.

"Зачем?" – спросил он.

"Просто сделай, что я прошу", – ответил Годфри.

Мерек нахмурил брови.

"Если бы у меня было что-то тонкое и длинное, я бы смог её достать", – сказал он.

Мерек потянулся к своему воротнику и вытащил из него небольшой моток проволоки. В размотанном виде она оказалась достаточно длинной, чтобы подойти для его задачи.

Мерек опёрся на решётку камеры, осторожно, чтобы не привлечь внимание караульного, просунул проволоку сквозь прутья и попытался подцепить ею ленту. Конец проволоки извивался в пыли, но не доставал до цели пару дюймов.

Мерек пробовал ещё и ещё, но всё время застревал локтем между прутьями решётки и не мог высунуть руку дальше – слишком узким был зазор.

Караульный повернулся в его сторону, и Мереку пришлось быстро втянуть проволоку обратно.

"Дай мне попробовать", – сказал Арио, подходя к нему, когда караульный отвлёкся.

Арио схватил длинную проволоку и высунул руку из камеры. Он был намного костлявее, и его рука прошла между прутьями до самого плеча.

Эти лишние шесть дюймов как раз и были им нужны. Крючок едва коснулся ленты, и Арио потянул её к себе. Он остановился, когда задремавший было караульный вдруг встрепенулся и решил оглядеться. Узники стояли, затаив дыхание, обливаясь потом и молясь о том, чтобы он не посмотрел в их сторону. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он снова заклевал носом.

Лента снова заскользила по тюремному полу, и вскоре Арио втащил её в камеру.

Годфри взял её у него из рук и надел через плечо, а остальные в страхе отшатнулись от него.

"Что ты, чёрт возьми, делаешь?" – спросил Мерек. "На этой ленте полно бацилл чумы. Ты можешь нас всех заразить".

Другие узники в камере тоже отползли от него подальше.

Годфри обернулся к Мереку.

"Я начну кашлять и не перестану, – начал он объяснять, попутно продумывая детали своего плана, – пока не подойдёт караульный. Он увидит мою кровь, а вы скажете ему, что у меня чума, и что меня по ошибке бросили в общую камеру".

Годфри не стал терять времени. Он начал надрывно кашлять и одновременно размазывать кровь с лица по всему телу, добиваясь ещё более ужасающего вида. Он кашлял так громко, как никогда в жизни, на полную мощь своих лёгких, пока караульный наконец не открыл дверь и не вошёл в камеру.

"Утихомирьте своего дружка", – сказал он. "Слышали?"

"Он нам не друг", – ответил Мерек. "Просто попутчик. И у него чума".

Караульный непонимающе посмотрел на красную ленту.

"Как он сюда попал?" – спросил он. "Его должны были изолировать".

Годфри продолжал кашлять, сотрясаясь в судорогах.

Скоро он почувствовал, как грубые руки схватили его и вытолкали наружу. Караульный протолкал спотыкающегося Годфри через коридор и спихнул в яму к остальным чумным.

Годфри приземлился поверх мёртвого тела. Он старался не вдыхать слишком глубоко и отвернул голову, чтобы не втянуть с воздухом заразу. Он молился о том, чтобы не подхватить чуму. Ему предстояло пролежать в яме до самого утра.

Но он выбрался из-под стражи. И рассветом он собирался бежать.

И нанести ответный удар.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Торгрин чувствовал, как камнем падает на дно океана, как уши закладывает от давления в толще воды, и как холод впивается в кожу миллионом острых игл. Но когда он погрузился глубже, произошло нечто очень странное: вокруг вдруг стало светлее. Пока его, беспомощного, море болтало из стороны в сторону и придавливало своим весом ко дну, он посмотрел вниз и в облаке света под собой увидел то, что меньше всего ожидал – лицо своей матери.

Свет был настолько ярким, что её едва можно было разглядеть. Она улыбалась ему и протягивала к нему любящие руки, а он падал всё ниже и ниже, прямо к ней в объятия.

"Сын мой, – сказала она, и её голос под водой прозвучал кристально чисто, – я здесь, с тобой. Я люблю тебя. Твоё время ещё не пришло. Будь сильным. Ты выдержал испытание, но их ещё много будет впереди. Без страха смотри на мир и помни, кто ты есть. Не забывай, что твоя сила не в оружии, она – внутри тебя".

Торгрин открыл рот, чтобы ответить ей, но, как только он это сделал, туда налилась вода и он начал захлёбываться и тонуть.

Тор резко очнулся и огляделся, пытаясь понять, где находится. Он почувствовал что-то шершавое у себя на запястьях и сообразил, что его руки были связаны за спиной, а сам он был привязан к деревянному столбу. Он обвёл взглядом тёмный трюм, ощутил покачивание пола, и сразу понял, что он на корабле. Движение комнаты, свет, проникавший сквозь щели в досках, сырой плесневый запах – всё говорило о том, что он заперт под палубой.

Торгрин немедленно насторожился. Он чувствовал сильную слабость и плохо помнил, что с ним произошло. Последней картинкой у него в голове стоял суровый шторм, в котором их корабль потерпел крушение, а его с товарищами выбросило за борт. Ещё он вспомнил Эйнджел, и как он изо всех сил прижимал её к себе, и что на поясе у него в это время был меч – Меч Мёртвых. Как же ему удалось выжить?

Тор озирался по сторонам и никак не мог взять в толк, как он очутился на корабле. Он отчаянно искал взглядом своих братьев и Эйнджел. Он вздохнул с облегчением, когда смог различить в темноте их силуэты. Все они были привязаны к столбам рядом с ним: Рис и Селезия, Элден и Индра, Матус и О'Коннор, а в нескольких футах от них – Эйнджел. Тор был счастлив видеть их живыми, пусть и измученными после шторма и заточения.

Сверху до него доносился раскатистый хохот, какая-то перебранка и пьяные выкрики. На палубе кто-то дрался, и каждое падение гулким грохотом отдавалось в трюме. Тора осенило: морские разбойники. Это они чуть не утопили его в море.

Он бы узнал их по речи где угодно – грубые, неотёсанные, мучающиеся от скуки в долгом плавании – он немало таких повстречал. Сон сошёл с него, мыслям вернулась ясность, и он понял, что стал теперь их пленником. Он подёргал верёвки, пытаясь вырваться.

Но у него не получилось. Его запястья и лодыжки были связаны очень надёжно. Побег отменялся.

Торгрин закрыл глаза, пытаясь призвать на помощь силу, дремавшую глубоко внутри. Силу, с которой он мог свернуть горы, если бы только пожелал.

Но она не отозвалась. Он был слишком истощён после всех злоключений, и его сила ещё не восстановилась. По прошлому опыту он знал, что на это требовалось время. Время, которого, как он знал, у него не было.

"Торгрин!" – раздался из темноты полный облегчения голос. Тор прекрасно его знал, и ответил Рису, привязанному в нескольких футах от него, радостной улыбкой. "Ты жив!" – добавил Рис.

"Мы не знали, придёшь ли ты в себя".

Тор обернулся и увидел по другую сторону от себя О'Коннора, тоже радовавшегося его пробуждению.

"Я молилась за тебя каждую минуту", – слышался нежный голосок из глубины трюма.

Тор всмотрелся во мрак и разглядел Эйнджел, по щекам которой текли слёзы счастья. Он кожей почувствовал, как сильно она за него переживала.

"Ты обязан ей жизнью, между прочим", – сказала Индра. "Когда они разрезали сеть вокруг тебя, она нырнула за тобой следом и вытащила. Не будь она такой храброй, ты бы здесь сейчас не сидел".

Тор с уважением посмотрел на Эйнджел и ещё больше исполнился благодарности и преданности к этой маленькой девочке.

"Малышка, я найду способ отплатить тебе за это", – сказал он ей.

"Ты уже очень много для меня сделал", – ответила она, и он видел, что она говорит от всего сердца.

"Можешь отплатить ей тем, что вытащишь нас отсюда", – раздражённо сказала Индра, бестолку сражаясь со своими путами. "Эти пираты-кровопийцы – последние отбросы. Они нашли нас дрейфующими в море и связали, пока мы всё ещё были без сознания после того шторма. Если бы они сразились с нами в честном бою, исход был бы совсем другим".

"Они трусы", – сказал Матус. "Как и все пираты".

"Они отобрали наше оружие", – добавил О'Коннор.

Сердце Тора на секунду перестало биться, когда он вдруг вспомнил о своём оружии – новых доспехах и Мече Мёртвых.

"Не волнуйся", – сказал Рис, заметив выражение его лица. "Наше оружие не потерялось в шторме, и твоё тоже. По крайней мере, оно сейчас не на дне морском. Оно у пиратов. Посмотри сквозь ту щель. Видишь?"

Тор прищурился и сквозь щель в палубе увидел всё их оружие, сложенное в кучу и блестящее в лучах солнца. Вокруг него толпились пираты. Тор увидел боевой топор Элдена и золотой лук О'Коннора, алебарду Риса и кистень Матуса, копьё Индры и мешочек с песком Селезии, а главное – свой Меч Мёртвых. Он видел, как пираты, уперев руки в бока, расхаживают вокруг трофеев и алчно ухмыляются.

"Никогда не видел такого меча", – сказал один другому.

Тор покраснел от ярости, когда увидел, как пират пинает его меч носком ботинка.

"Похож на королевский", – ответил другой, подходя ближе.

"Я первым его нашёл, он мой", – заявил первый.

"Только через мой труп", – ощерился другой.

Тор видел, как двое могучих мужчин сцепились и повалились на палубу, а вокруг них сразу собралась толпа пиратов, которые начали их подначивать и комментировать драку. Они катались туда-сюда, били друг друга кулаками и локтями, а остальные своими выкриками раззадоривали их ещё больше. Наконец до Тора сквозь щели долетели брызги крови, когда один пират приложил другого головой о палубу несколько раз подряд.

Зрители одобрительно загоготали.

Победитель – мужчина с голым волосатым торсом и длинным шрамом через всю грудь – поднялся, тяжело дыша, и подошёл к Мечу Мёртвых. Тор наблюдал за тем, как тот схватил меч и торжествующе поднял его над головой. Толпа зааплодировала.

Тор был взбешён. Какое-то отребье пачкало своими руками меч, предназначенный для короля. Меч, ради обладания которым он рисковал своей жизнью. Меч, который был дан ему, и никому другому.

Раздался внезапный вопль, и как физиономия пирата вдруг исказилась от боли. Он взревел и отбросил меч, будто ядовитую змею, и Тор увидел, как клинок пролетел по воздуху и с грохотом упал на палубу.

"Он укусил меня!" – крикнул пират остальным. "Проклятый меч укусил меня за руку! Смотрите!"

Он выставил вперёд руку и показал отсутствующий палец. Тор взглянул на меч, рукоять которого оказалась как раз над щелью, и увидел, что из одного из вырезанных на ней черепов торчат маленькие острые зубы, и по ним стекает кровь.

Другие пираты тоже обернулись и уставились на меч.

"Это меч дьявола!" – крикнул один.

"Я к нему не притронусь!" – подхватил другой.

"Забудьте о нём", – сказал кто-то, поворачиваясь к мечу спиной. "Тут полно оружия, есть из чего выбрать".

"А как на счёт моего пальца?" – взвыл обезумевший от боли разбойник.

Но все только посмеялись над ним и, не обращая больше на него внимания, стали перебирать оставшееся оружие и спорить из-за добычи.

Тор снова сосредоточился на мече. Он лежал на расстоянии одной толщины одной доски и дразнил своей близостью. Тор изо всех сил рванулся вперёд, но верёвки не поддались. Связали их на славу.

"Скорей бы вернуть своё оружие", – прошипела Индра. "Видеть не могу, как они трогают моё копьё своими грязными лапами".

"Может, я смогу помочь?" – спросила Эйнджел.

Тор и остальные посмотрели на неё с сомнением.

"Они не связали меня так, как вас", – объяснила она. "Боялись моей проказы. Они связали мне руки, а потом трусили. Видите?"

Эйнджел встала и продемонстрировала всем свои связанные за спиной запястья, но свободные ноги.

"Толку от этого немного", – сказала Индра. "Ты всё равно заперта вместе с нами".

Эйнджел покачала головой.

"Вы не понимаете", – настаивала она. "Я самая маленькая из вас. Я смогу протиснуться в одну из щелей". Она повернулась к Тору. "Я могу достать твой меч".

Он посмотрел на неё в ответ, восхищённый её храбростью.

"Ты очень отважная", – сказал он. "Я горжусь тобой. Но ты подвергнешь себя опасности. Если они поймут тебя наверху, то могут убить".

"Или ещё что похуже", – вставила Селезия.

Эйнджел ответила им гордым и решительным взглядом.

"Мне всё равно умирать, Торгрин", – сказала она. "Я давно с этим смирилась. Жизнь меня этому научила. Моя болезнь ясно мне дала это понять. Я думаю только о жизни, и до смерти мне дела нет. А жить я хочу свободно, не подчиняясь ничьей воле".

Эта малышка вдохновила Тора своей мудростью. В своём юном возрасте она уже знала о жизни больше, чем большинство встречавшихся ему наставников.

Тор серьёзно кивнул ей. Он видел, что в ней живёт дух воина, и не собирался его подавлять.

"Что ж, иди", – сказал он. "Но действуй тихо и быстро. При первой же опасности возвращайся к нам. Ты мне намного дороже, чем меч".

Эйнджел просияла. Она тут же развернулась и поспешила в другой конец трюма, шагая неуклюже из-за связанных рук, пока не добралась до щелей. Она присела на корточки и, обливаясь потом, посмотрела вверх расширившимися от страха глазами.

Наконец, она нашла нужную лазейку и высунула голову в промежутком между досками, достаточно широкий, чтобы она могла туда протиснуться. Извиваясь всем телом и отталкиваясь ногами, она полезла вверх.

Секунду спустя она выбралась из трюма, и Тор видел её стоящей на палубе. Его сердце бешено колотилось – он молился, чтобы с ней всё было в порядке, и чтобы она успела вернуть ему его меч и вернуться самой, пока не было слишком поздно.

Выбравшись из щели, Эйнджел встала на ноги, пригнулась и побежала к мечу. Она потянулась босой ступнёй к рукояти, толкнула меч, и он заскользил по доскам.

С громким звоном он пересек палубу в направлении трюма. Ему оставалось всего пара дюймов до щели, но тут в воздухе раздался крик.

"Маленькая паршивка!" – заорал на неё пират.

Тор увидел, что все матросы разом повернулись и побежали к ней.

Эйнджел тоже побежала, пытаясь спастись в щели, но её поймали раньше, чем она туда добралась. Они схватили её, сгребли в охапку и потащили к борту, готовясь, как понял Тор, выбросить её в море.

Эйнджел удалось замахнуть ногой, и палубу огласил вопль, когда она зарядила пяткой прямо пирату между ног. Её обидчик застонал и разжал хватку, а Эйнджел не задумываясь побежала обратно через палубу, достала до меча и подтолкнула его.

Тор воспрянул духом, когда меч проскользнул между досок и с грохотом упал на пол трюма прямо у его ног.

На палубе раздался высокий вскрик – пираты снова настигли Эйнджел. Её опять схватили и понесли к перилам, и теперь Тор не сомневался, что они исполнят задуманное.

Обливаясь потом, боясь за Эйнджел намного больше, чем за себя самого, Тор опустил взгляд на меч и ощутил с ним сильную связь. Это связь была такой явственной, что ему даже не нужно было прибегать к своей магической силе. Он просто заговорил с мечом и почувствовал, что тот его слушает.

"Иди ко мне, друг. Разруби мои путы. Давай снова будем вместе".

Меч отозвался на его зов. Он вдруг поднялся над полом, проплыл по воздуху за спину хозяина и разрезал его верёвки.

Тор тут же развернулся, поймал на лету рукоять и опустил меч, освобождая связанные ноги.

Затем он вскочил и разрезал верёвки, удерживавшие всех остальных.

Немедля, Тор бросился к щелям, размахнулся ногой и выбил несколько досок. Щепки разлетелись далеко вокруг, и он наконец выбрался на воздух, к солнцу, свободный и с мечом в руках. Он твёрдо намерился спасти Эйнджел.

Тор понёсся по палубе к людям, державшим его перепуганную вырывающуюся маленькую подругу. Она уже была над бортом.

"Отпустите её!" – крикнул Тор.

Тор бежал к ней, отражая нападение пиратов, которые тянулись к нему со всех сторон, рассекая им грудные клетки, прежде чем они успевали вытащить своё оружие – никто из них и в подмётки не годился ему с его Мечом Мёртвых.

Он прорубил себе путь сквозь их толпу, оттолкнул последних двоих с дороги, потянулся и ухватил за рубашку державшего Эйнджел пирата за миг до того, как он бросил её в воду. Тор потянул его на себя, пока Эйнджел снова не оказалась над палубой, а затем выкрутил разбойнику руку, так что он выронил пленницу. Она невредимая упала на деревянный настил.

Тор схватил разбойника за бороду, дёрнул и опрокинул его через борт. Тот с визгом рухнул в ледяное море.

Тор услышал шаги за спиной, обернулся и увидел дюжины других пиратов, готовых его атаковать. Они были не на какой-нибудь утлой лодке, а на огромном профессиональном судне, сравнимым по размеру с любым военным кораблём, и на нём было не меньше сотни разбойников закалённых в боях, для которых убивать в море было делом всей жизни. Они были явно настроены на драку.

Братья Тора по Легионы высыпали из трюма и побежали возвращать себе своё оружие, прежде чем до него доберутся пираты. Элден едва отскочил с траектории мачете, нацеленного ему в шею, схватил нападавшего и ударил его головой в лицо, сломав ему нос. Он выхватил мачете из руки разбойника и перерубил его пополам. Затем он в один прыжок оказался рядом со своим боевым топором.

Рис схватил свою алебарду, О'Коннор – лук, Индра – копье, Матус – кистень, а Селезия – свой мешок с песком, а мимо них в это время молнией проскочила Эйнджел и пнула под колено пирата, собиравшегося метнуть в Тора кинжал. Пират охнул, схватился за ногу, а его кинжал улетел за борт.

Тор ринулся в атаку, ворвался в толпу пиратов, пиная одного в грудь, пронзая кинжалом другого, а затем, с разворота, отрубывая руку третьему раньше, чем тот успел своим мачете достать до Риса. Ещё один разбойник занёс у Тора над головой дубинку, но он уклонился и дубинка со свистом проскользнула мимо. Тор собирался было заколоть разбойника, но подошёл Рис и прикончил его соевей алебардой.

У Тора перед лицом просвистели две выпущенные О'Коннором стрелы, он обернулся и увидел, как двое разбойников, атаковавших его со спины, свалились замертво. Тор заметил, как один разбойник нацелился на Эйнджел и хотел его остановить, но О'Коннор взял это на себя, и нападавшего настигла стрела в спину.

Тор услышал топот и, обернувшись, увидел пирата, заносившего свою дубину у О'Коннора над затылком. Тор рванул вперёд, чувствуя в руке вибрацию Меча Мёртвых, и разрубил толстую дубину пополам, будто щепку, а её владельца заколол в сердце, прежде чем тот достал до его друга. Развернувшись ещё раз, Тор пнул следующего атакующего под рёбра, а Меч Мёртвых сам повёл его руку, отсекая пирату голову. Тор был потрясён. Ему казалось, что он ощущает живой пульс этого клинка, передававшего ему свою волю.

Тор, по локоть в крови, яростно рубил мечом во все стороны, собрав у своих ног кучу из целой дюжины тел, как вдруг один пират прыгнул на него со спины. Разбойник занёс кинжал и опустил его Тору под лопатку. Он был слишком близко, и у Тора не было времени как-то отреагировать.

Внезапно уголком глаза Тор увидел, как в воздухе перед ним проскочило что-то непонятное, и в ту же секунду пират ослабил хватку и рухнул на палубу. Тор обернулся и увидел Эйнджел, которая, как он понял, только что швырнула камень и попала пирату точно в висок. Мужчина корчился у ног Тора, а тот восхищённо наблюдал за тем, как Эйнджел сделала шаг, схватила валявшийся на палубе крюк, подняла его высоко над головой и вонзила его разбойнику в грудь. Это был тот самый крюк, которым пираты подтягивали сеть, где сидели пойманные ими Тор и Эйнджел в самом начале. Тор осознал, что все дела возвращаются к совершившему их, и что справедливость всегда торжествует.

Он даже вообразить не мог, что Эйнджел была на такое способна. В её глазах он видел неукротимость. Она была настоящим воином и гораздо более сложной натурой, чем он представлял.

Тор отвернулся от неё и бросился в гущу битвы. Бок о бок со своими братьями и сёстрами, он неустанно атаковал врагов. Множество раз и во многих местах приходилось им делать тоже самое, они были отлично слаженной машиной для убийства и надёжно прикрывали спины друг друга. Они были великолепны, когда дрались вместе, зная привычки и темп друг друга. Пока Элден махал своим боевым топором, Индра метала копье, устраняя тех, до кого он не дотягивался. Матус рассекал воздух своим кистнём и валил по два пирата за раз, а Рис нанизал на свою алебарду сразу троих, прежде чем они успели приблизиться к Селезии. Селезия, в свою очередь, переходила от одного к другому и сыпала золотые песчинки им на раны, исцеляя их и поддерживая их силу в бою.

Вскоре, перевес оказался на их стороне. Они расправлялись с разбойниками один за другим, мёртвые тела валялись в кучи, и не прошло много времени, прежде чем противников осталась всего дюжина.

С глазами, полными ужаса, выжившие пираты, понявшие, что им не победить, побросали свои кинжалы, мачете и топоры на палубу и подняли руки вверх.

"Не убивайте нас!" – крикнул один из них, трясясь. "Мы не желали вам! Мы просто делали, как все!"

"Конечно, не желали", – сказал Элден.

"Не волнуйтесь, – сказал Тор, – мы не станем вас убивать".

Тор засунул меч в ножны, подошёл к одному пирату, схватил его за грудки, поднял над головой и выбросил за борт в открытое море.

"Пусть рыбы сделают это за нас", – закончил он свою фразу.

Его товарищи последовали его примеру и избавились от оставшихся разбойников, выбрасывая их вместе с оружием в воду, и Тор увидел, как вскоре море под кораблём окрасилось кровью, у поверхности мелькнули плавники акул, и последние крики пиратов стихли в пучине.

Тор обернулся к друзьям, и они посмотрели на него в ответ. По их глазам он видел, что они сейчас думали то же, что и он: победа, сладкая победа была за ними.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Эрек перегнулся через борт и посмотрел вниз на освещённую факелами поверхность воды, бурлившей от сброшенных в неё тел имперцев. Дюжина солдат Империи, убитых Эреком и его людьми, болтались на волнах за бортом и медленно, один за другим, уходили на дно.

Эрек окинул взглядом свой флот и убедился, что на всех кораблях его люди уже были свободны, благодаря Алистер, избавившей их от пут. Имперцы повели себя глупо, оставив всего по дюжине караульных на корабль, возомнив о себе, что они непобедимы. Они оказались в абсолютном меньшинстве, и, как только верёвки, связывавшие руки людям Эрека, были разорваны, тем не составило труда убить их всех и вернуть корабли под свой контроль. Империя просто не учла Алистер.

К тому же, у захватчиков была ещё одна причина не опасаться восстания: они полностью окружили корабли Эрека. И здесь они не ошибались. Эрек поднял глаза и увидел, что имперская блокада, капкан из тысячи кораблей, по-прежнему оставался на месте. Пути к бегству были отрезаны.

Рога трубили не переставая, имперские солдаты перекрикивались в ночи, и Эрек видел, как всё больше и больше фонарей зажигалось на их кораблях. Империя, как сонный дракон, медленно пробуждалась. Эрек не сомневался, что скоро она, как питон, сожмёт его людей в кольцо и задушит насмерть. Не стоило ждать пощады.

Эрек быстро перебирал в уме имеющиеся возможности. Он изучал имперские корабли в поисках слабых мест и брешей в окружении. Он обернулся и увидел, что с другой стороны был участок, где корабли Империи стояли не так плотно, и расстояние между ними достигало примерно двадцати ярдов. Это было самое уязвимое место в блокаде, но и его едва ли можно было считать слабым. Это был лучший из худших вариантов. Им нужно было двигаться туда.

"ПОЛНЫЙ ВПЕРЁД!" – крикнул Эрек, и как только он сам начал действовать, его приказ эхом разнёсся по всей его флотилии.

Они подняли паруса и начали грести. Эрек стоял во главе, на носу своего корабля, а остальные корабли следовали за ним на минимальной дистанции. Он сосредоточенно всматривался вперёд, целясь в брешь в окружении. Его единственная надежда была на то, что они успеют протиснуться между имперскими кораблями достаточно быстро, раньше, чем те подойдут ближе друг к другу и укрепят позиции. Если бы им удалось проскочить, они бы вышли в открытое море. Он также понимал, что Империя последует за ними по пятам, и ему будет крайне трудно выиграть эту гонку.

Но попытка того стоила. Любой план, пусть и самый отчаянный, был лучше, чем признание поражения и смиренная смерть.

"Мы сможем пробить их кольцо?" – раздался вопрос.

Эрек обернулся и увидел Строма, подходящего к нему с оголённым мечом в руке, с которого всё ещё стекала кровь убитых имперских солдат, и всматривавшегося в ночь.

Эрек пожал плечами.

"А у нас есть выбор?" – ответил он вопросом на вопрос.

Стром стоял рядом с ним и невозмутимо смотрел на горизонт.

"Как скоро они заметят, что мы приближаемся?"

Ответом ему послужила стрела, просвистевшая в воздухе прямо между ними и сразившая одного из их соратников в нескольких футах позади. Мужчина вскрикнул и упал на спину, хватаясь за стрелу в груди, пытаясь обеими руками вытащить её, и содрогаясь в предсмертных конвульсиях.

Ещё одна стрела прорезала воздух, а за ней ещё, и ещё. Но ни Эрек, ни Стром не пригнулись, бесстрашно оставаясь на своих местах.

Во тьме показались силуэты имперских солдат, целившихся и стрелявших, выпускавших стаи стрел одну за другой. Эрек понимал, что им придётся туго. До отверстия в блокаде оставалось ещё сто ярдов.

"Щиты!" – крикнул Эрек. "Собирайтесь в группы! Держитесь близко! Плечом к плечу!"

Его люди послушались, сгруппировались и подняли щиты. Эрек удовлетворённо кивнул и сам опустился на колени рядом со Стромом, подняв свой щит над головой.

Он почувствовал, как три стрелы короткой очередью ударились в щит и вибрации от ударов передались ему в руку.

Ночь огласилась криками, и Эрек услышал звук упавшего в воду тела. Он обернулся, и сердце его упало: через перила полетел капитан одного из его кораблей. У него из груди торчали сразу две стрелы, а в глазах застыл ужас. Когда он упал, его корабль тут же начал вихлять. Эрек понимал, что без капитана корабль не вырвется из ловушки и он потеряет людей. Кораблю был необходим капитан, особенно в такой момент.

"Стром!" – лихорадочно позвал он брата. "Ты смог бы перепрыгнуть туда на верёвке, если я подберусь достаточно близко?"

Стром посмотрел на брата в ответ, затем снова на корабль, и мгновенно понял, что тот задумал. Он уверенно кивнул и без колебаний побежал к борту.

Эрек рванул к рулю и развернул корабль так, чтобы два судна почти касались бортами, и, когда расстояние сократилось до минимума, Стром, не обращая внимания на град стрел, взобрался на перила. Он поднял свой лук, быстро привязал к стреле конец верёвки, прицелился вверх и выстрелил.

Стрела с верёвкой взмыла в воздух, описала дугу вокруг мачты корабля и легла на перекладину, образовав петлю.

Стром проверил её на прочность, и, удовлетворённый результатом, схватился за неё крепко и прыгнул.

Он пролетел по воздуху добрых сорок футов, очертив полукруг, и, когда его ноги наконец оказались над палубой другого корабля, разжал руки и кувырком покатился по доскам под восхищёнными взглядами матросов на борту.

Стром вскочил на ноги и взялся за штурвал, и команда корабля, воодушевлённая его поступком, тоже взялась за работу.

"Вперёд!" – крикнул Стром, приняв командование. "Курс за моим братом!"

Матросы заняли свои места, сели на вёсла и подняли паруса, будто забыв о поливавшем их дожде из стрел.

Эрек развернулся лицом к вражеским кораблям. По мере приближения к ним, лавины стрел становились всё гуще, и множество его людей с криками падали за борт. Эрек понимал, что нужно было что-то предпринять. Ему нужно было как-то отвлечь имперцев, иначе он потеряет слишком много людей на подходе.

"Лучники, на позиции!" – приказал Эрек.

Его люди подчинились и также передали приказ на другие корабли. Стром на своём корабле тоже повторил команду.

"Огонь!" – крикнул Эрек.

Его люди послали в имперские корабли ответную волну стрел, и Эрек с удовлетворением услышал, как дюжины имперских лучников, стоявших высоко на мачтах, с воплями полетели на палубу. Другие попадали за борт, и утонули в море, и Эрек со своими людьми наконец-то получил небольшую передышку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.